

Баланс сил в мировой экономике уже сместился от Запада к Востоку. По оценкам МВФ, две трети прироста мирового ВВП обеспечивают развивающиеся рынки. Основные вопросы, на которые пока нет ясного ответа, заключаются в том как экономическая мощь государства связана с благосостоянием населения, насколько тесно размер экономики коррелирует с доходом на душу населения. Можно ли поставить знак равенства между большой экономикой и богатой экономикой?

Новая Бреттон-Вудская система, или "[Химерика \(Chimerica\)](#)" скорее всего, изменится, т.к. доллар США утратит роль главной резервной валюты, а мировая валютная система станет многополярной. Америка лишится своих непомерных привилегий в результате утраты доверия инвесторов к экономической политике США, сокращения доли американских обязательств в резервах Китая и продвижения юаня в мировой торговле и финансах. Новая экономическая стратегия Китая в значительной степени основана на снижении зависимости страны от экспортных рынков и состоит из четырех постулатов – больше потреблять, больше импортировать, инвестировать за границу и создавать больше инноваций. Такая опора на внутренние источники роста вкупе с плавной либерализацией валютного контроля приведут к постепенному превращению Китая в локомотив мировой экономики.

Экономический рост зависит от численности рабочей силы, инвестиций и технического прогресса. Демографическая ситуация в Японии и Европе неблагоприятна. Перспективы роста развивающихся экономик выглядят более позитивно, учитывая демографию этих стран, урбанизацию и т.д. С ростом экономики повышается и ее финансовое наполнение. В настоящее время стоимость частных долговых активов в странах с переходной экономикой составляет 15% ВВП против 119% в Европе и 160% в США. По оценкам McKinsey, в развивающихся экономиках вне финансовой системы все еще находится 2.8 млрд человек, имеющих доход, превышающий уровень, необходимый для удовлетворения одних лишь основных потребностей. С ростом доходов домохозяйств увеличивается и объем банковских вкладов, идет развитие и наполнение банковской системы и, соответственно, возможности для

финансирования инвестиций. Что касается инноваций, то уже в 2007 году в Китае было запатентовано больше изобретений, чем в Германии.

Старение населения стран Запада и снижение нормы сбережений в странах с переходной экономикой могут привести к тому, что имеющихся сбережений будет недостаточно для покрытия потребностей в инвестициях, что, в свою очередь, спровоцирует рост реальных процентных ставок и удорожание капитала. Норма инвестиций в развитых экономиках снижается на протяжении последних нескольких десятилетий. Весьма вероятно, что в обстановке глобального дефицита инвестиций и более высокой инвестиционной привлекательности стран Юго-Восточной Азии переток капитала в этот регион из остального мира будет еще стремительнее, чем сейчас.

По мере индустриализации Азии, спрос на ресурсы в широком смысле (вода, энергоносители, продовольствие) будет неизбежно расти. По оценкам МЭА, к 2035 г. пятая часть мирового энергопотребления будет приходиться на Китай. Повысится также важность возможностей для технологической модернизации за счет инвестиций в науку и образование, которые, среди прочего, смогут обеспечить сокращение потребления означенных ресурсов. При этом ожидается, что рост мировой торговли продолжится, в первую очередь за счет включения в нее новых регионов, в частности – торговли внутри Азии.

Что это означает для Запада? Американские экономисты Кармен Рейнхарт и Кен Рогофф прогнозируют длительный период сокращения долговой нагрузки как в частном, так и в государственном секторах в странах, аккумулировавших значительные долги. Третье Базельское соглашение ужесточает требования к состоянию балансов банков. Значение таких признанных финансовых центров, как Лондон и Нью-Йорк (их доля на мировом рынке финансовых услуг), снизится. Новыми центрами станут Шанхай, Гонконг, Сингапур, возможно Москва.

Вероятное сокращение доли доходов от финансовых услуг в ВВП Великобритании и США, потеря технологического лидерства такими странами как Германия и следующая за ней потеря рабочих мест в промышленности неизбежно приведут к падению уровня жизни на Западе, обеднению среднего класса. В частности, в настоящий момент реальная заработная плата в Великобритании не превышает уровня 2005 г.

В том, что касается России, то представляется, что у нашей страны нет реального шанса сохранить конкурентоспособную промышленность в тех отраслях, где существует свободная торговля и международная конкуренция. Дело в том, что богатые страны производят товары для богатых, а бедные – для бедных. Из приведенной ниже таблицы видно, что Россия – страна, которая не может считаться бедной в контексте мирового производства.

	Россия	Бразилия	Индия	Китай	Украина
ВВП на душу населения, долл.	11739	8626	1067	3404	3921
ВВП на душу населения, долл., ППП	16034	10526	2868	6188	7351
Номинальная З.П., долл.	695	535	180	350	343

Очевидно, что Россия не является страной с дешевой рабочей силой. Однако невелики надежды также и на скорую модернизацию экономики в масштабах страны. Даже самый поверхностный анализ платежного баланса РФ подтверждает тезис о том, что россияне вкладывают деньги в зарубежные активы, предпочитая последние локальным инвестициям. Динамика общего размера внешнего долга России впервые с III квартала 2008 г. стала положительной.

В целом картина выглядит так: привлеченные долговые ресурсы не инвестируются в экономику страны. То есть эти займы не приводят к замещению импорта или росту экспорта и, таким образом, не создают основу для улучшения структуры платежного баланса страны, но порождают риски в случае нового мирового кризиса. Иначе говоря, часть отечественных предпринимателей рассматривает свой бизнес в РФ как дойную корову с точки зрения как создаваемых им денежных потоков, так и использования российского баланса для финансирования инвестиций за рубежом. Почему так происходит? Ответ вполне очевиден: россияне считают соотношение «инвестиционный климат и риск/возможная доходность» инвестиций в свою страну недостаточно привлекательным. Таким образом, поскольку рассчитывать на скорое и значительное улучшение инвестиционного климата в России не приходится, то и резкий приток инвестиций в модернизацию экономики также маловероятен.

В этой связи представляется, что в среднесрочной перспективе у России есть де-факто только один путь – развития двух макроекторов экономики, которые могут быть конкурентоспособны – это экспорт сырья всех видов и т.н. неторгуемые товары и

услуги – то есть те товары и услуги, которые в практическом смысле невозможно ввезти из-за рубежа.

Выбор, который лежит перед нашей страной, — это стать «развитым» поставщиком ресурсов на мировой рынок или «развивающимся». К первым обычно относят Канаду, Норвегию и Австралию (первые две также являются северными странами, так что ссылки на нашу географическую уникальность не работают). Ко вторым — Нигерию, Индонезию, страны-нефтеэкспортеры Латинской Америки. Суть этого выбора заключается в том, что вполне можно обеспечить устойчивое развитие экономики, ее выход в мировые лидеры по уровню жизни, даже имея в ее основе такой, казалось бы, низкотехнологичный сектор, как добыча минерального сырья.

Для этого во-первых необходимо пересмотреть отношение к нефтяному сектору. Вполне можно оптимизировать его налогообложение и повысить его инвестиционную привлекательность. По всеобщему признанию, текущая схема решает целый ряд проблем, связанных с изъятием из экономики избыточной ликвидности в ситуации высоких цен на нефть, но также и лишает всяких стимулов инвестировать в разработку новых или поддержание в рабочем состоянии старых месторождений. Сегодняшняя система базируется на налогообложении выручки, а не прибыли. Это означает, что разрабатывать трудноизвлекаемые запасы чаще всего невыгодно. Россия еще какое-то время сможет поддерживать добычу на существующем уровне или даже с некоторым приростом, но чтобы она не падала в более долгосрочной перспективе, нужно менять всю идеологию налогообложения отрасли.

Во-вторых, необходимо оптимизировать не только сбор, но и расходование нефтяных доходов, то есть все-таки провести реформу бюджетных расходов и отказаться от наращивания социальных расходов. Принципиально важным является реализация в полной мере концепции ненефтяного бюджета. Необходимо также законодательно ограничить возможность использования резервного фонда при ценах на нефть, превышающих определенный уровень, например 70 долларов за баррель.

В современных условиях значительная часть роста доходов населения направлена на рост импорта или инфляцию, так как российская продукция в основном неконкурентоспособна, а там, где это не так, то существуют ограничения, связанные с наличием свободных мощностей и высокой монополизацией рынка. Поэтому увеличение расходов бюджета на выплаты малоимущим слоям населения не только

опасно для бюджета, но и не будет стимулировать экономический рост и приведет к инфляции. На фоне стабилизации или даже снижения из-за инфляции покупательной способности беднейших слоев населения, доля протестного электората может сильно вырасти, что, в свою очередь, может подтолкнуть политическое руководство страны к попытке «догнать и перегнать» инфляцию путем нового повышения пенсий, зарплат бюджетников и пр. Такое решение может иметь катастрофические последствия, так как оно послужит мощнейшим толчком к формированию т.н. спирали инфляция-зарплаты, которая уже многократно в истории приводила к гиперинфляции и последующему за ней взрывному росту бедности и экономическому спаду. Наконец, государство никогда не сможет охватить системой социальной защиты все слои населения, которые нуждаются в защите.

Важнейшей проблемой является также и коррупция. Дело даже не только в том, что коррупция является дополнительным налогом на бизнес, а еще и в том, что она, похоже, достигла такого размаха, что угрожает управляемости страны. Из-за коррупции, горизонтальные связи часто оказываются важнее вертикальных, что сильно снижает эффективность любых принятых правительством решений.

Таким образом, представляется, что в условиях неконкурентоспособности основной части промышленности и низкой долей занятости в сырьевом секторе необходимо сосредоточить усилия на проведение реформ, направленных на демонаполизацию российской экономики, повышение гибкости рынка труда (внутренняя трудовая миграция, переквалификация и пр.), иначе говоря – обеспечению занятости в новых секторах экономики – секторах, производящих «неторгуемые» товары и услуги.

При этом деиндустриализация ставит перед страной значительные проблемы, связанные с утратой не только рабочих мест, но и технологического лидерства в вопросах, связанных с безопасностью. Поэтому необходимо точно способствовать развитию или сохранению промышленности там, где она может быть конкурентоспособна. В т.н. «идеальном мире» промышленная политика не нужна: т.н. «невидимая рука рынка» обеспечит наиболее эффективное распределение людских и материальных ресурсов и каждая страна имеет свою нишу, занимая которую она достигает полной занятости. Однако де-факто, Россия находится в мире, где протекционизм, двойные экономические стандарты и государственная поддержка

отдельных отраслей промышленности являются распространенной практикой. Поэтому и Россия должна создавать преференции для своих производителей товаров и услуг. Однако существующая сейчас поддержка промышленности глубоко неэффективна.

Самая серьезная проблема – попытка поддержать всю экономику, что возможно только в условиях жестких ограничений на импорт, как в СССР и несет значительные издержки с точки зрения насыщения товарного рынка, качества и ассортимента продукции, а также приводит к колоссальным перекосам с точки зрения эффективности использования факторов роста - труда и капитала. Вторая проблема – постоянность такой поддержки, декларируемая или ожидаемая. Теория и практика показывают, что отрасли и предприятия, получающие поддержку государства в любой ее форме, только тогда реально модернизируются и становятся конкурентоспособными, когда знают, что эта поддержка кончится через несколько лет. Наконец, третья проблема – оппортунистический подход к промышленной политике, особенно на региональном уровне, то есть замораживание существующей, часто неэффективной отраслевой структуры производства - поддержка того, что есть, а не того, что может быть конкурентоспособным.

Промышленная политика должна быть точечной, конечной и нацеленной на поддержку тех предприятий и отраслей, которые объективно могут быть конкурентоспособны. Кроме того, Так как Россия – страна с высокой базой затрат, ключевой формой поддержки должно быть снижение этих затрат в виде точечного сокращения официальной и неофициальной налоговой нагрузки. Наконец, существует очень мало примеров успешного выбора властью правильных отраслей для поддержки, поэтому представляется наиболее верной политика создания кластеров.

Таким образом, государственная политика должна быть, с одной стороны, достаточно аккуратной для того, чтобы не разрушать макроэкономическую стабильность и не ограничивать развитие конкурентоспособных сырьевых отраслей экономики и «неторгуемой» сферы, а с другой – выделять отдельные кластеры для создания условий для развития высокотехнологичных производств.